
А.А. Петров

НОВЫЕ МЕМУАРЫ ОБ АДМИРАЛЕ А.В. КОЛЧАКЕ

ПОЛКОВНИК Н.В. ОРЛОВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Личности трагически погибшего Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в эмиграции было посвящено огромное количество воспоминаний и биографических работ. Однако один период жизни Колчака все же оказался освещен очень слабо. Это весна и лето 1918 г., когда Александр Васильевич по приглашению Главноуправляющего Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД)¹ генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата возглавил все формирующиеся белые отряды в полосе отчуждения КВЖД. Однако назначение оказалось неудачным: на этом посту прямолинейный Колчак вступил в конфликт с японской военной миссией и поддерживаемым ею атаманом Г.М. Семеновым, а всегда предпочитавший политику лавирования и компромиссов Хорват отказался от поддержки своего подчиненного. В результате менее чем через два месяца Колчак вынужден был покинуть этот пост и уехать в Токио.

До настоящего времени, обращаясь к этому периоду жизни адмирала, исследователи опирались всегда на три основных источника: на книгу воспоминаний атамана Г.М. Семенова «О себе. Воспоминания, мысли и выводы»², «Дневник» барона А.П. Будберга³ и протоколы допросов самого А.В. Колчака⁴. Однако показания Колчака, по понятным причинам, очень кратки и лишь в общих чертах передают его действия и планы. То же относится и к воспоминаниям Г.М. Семенова, которые к тому же достаточно пристрастны, поскольку атаман в это время вступил в конфликт как с Колчаком, так и с Хорватом. Что же касается «Дневника» барона Будберга, то при кажущейся подробности его ежедневных записей на деле их чрезвычайно резкий обличительный тон превращает изображаемую им картину окружающей жизни в гротескную карикатуру на действительность. Исследователь Белого движения в Сибири А.Б. Езеев справедливо отметил, что «ба-

¹ В начале XX в. как в официальных документах, так и в мемуарах использовалось наименование «Китайская Восточная железная дорога» и, соответственно, сокращение КВЖД (или К.В.ж.д.). Поэтому я использую именно их. Общепринятое ныне наименование «Китайско-Восточная железная дорога» (КВЖД) установилось позднее, уже в советское время.

² Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. [Б. м.], 1938.

³ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923–1924. Т. 12–15.

⁴ Верховный Правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. Интересующему нас периоду посвящен протокол допроса за № 6 от 28 января 1920 г.

рон Будберг чаще предстает (в своем «Дневнике». — А.П.) как аккумулятор газетных сообщений, рассказов очевидцев, различных слухов, грязных сплетен и так далее, чем как свидетель того или иного события, как человек, наблюдающий то или иное явление изнутри, а не снаружи»⁵. В результате представленная Будбергом картина событий оказывается искажена настолько, что не позволяет понять истинный смысл поступков тех людей, на которых он обрушивается со своей критикой. Наконец, необходимо отметить, что в рассматриваемый период Будберг ориентировался на круг лиц, активно интриговавших против Колчака, и фактически зафиксировал в дневнике именно их точку зрения.

Между тем существует еще одно свидетельство, проливающее свет на ту же самую картину с другой стороны. Это рукопись воспоминаний командира Орловского отряда полковника Н.В. Орлова «Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак». Она написана в Харбине, датирована 8 февраля 1933 г. и, возможно, подверглась литературной обработке (Орлов всюду пишет о себе в третьем лице, а в конце текста вместо его фамилии стоит фамилия «П. Иртеньев»). Эта рукопись была помещена в Заграничный архив в Праге и оттуда после Второй мировой войны попала в нынешний Государственный архив Российской Федерации, где хранится в настоящий момент⁶. Опубликована она никогда не была.

Как и в случае с Семеновым и Будбергом, о полной беспристрастности воспоминаний Орлова говорить не приходится, они несут на себе следы жесточайшей обиды, и, насколько следует из текста, для нее у автора воспоминаний были все основания. Все это, как и то, что он не стал подписывать рукопись собственным именем, несомненно, снижает их ценность как исторического источника. Но его воспоминания дают выпуклую картину харбинской эпопеи «с другой стороны», причем, в противовес Семенову и Будбергу, они проникнуты уважением и даже преклонением перед личностью адмирала Колчака.

Автор этих воспоминаний, полковник Николай Васильевич Орлов родился 3 мая 1870 г. Он происходил из дворян и был православного вероисповедания. По окончании Одесской духовной семинарии, в 1888 г. он поступил в Одесское пехотное юнкерское училище, которое и окончил по II разряду и 27 января 1891 г. был выпущен подпоручиком в 59-й Люблинский пехотный полк. Успешно окончил офицерскую стрелковую школу; в 1895 г. произведен в поручики, в 1900 г. — в штабс-капитаны, в 1903 г. — в капитаны. В конце 1904 г. полк, в котором служил капитан Орлов, отправился в Маньчжурию, на театр военных действий Русско-японской войны. 15-й пехотной дивизии и Люблинскому полку в ее составе довелось отличиться в сражении при Мукдене. Орлов был ранен в бою, награжден Анненским оружием с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Затем он в течение полугода служил делопроизводителем канцелярии штаба 3-й Маньчжурской армии. 1 июля 1909 г. капитан Орлов перевелся в Заамурский округ Отдельного корпуса Пограничной стражи (ОКПС). Войска этого округа (до 25 000 человек всех родов войск) охраняли КВЖД и защи-

⁵ Езев А.Б. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль. 1993. № 4 (133). С. 9.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 1–34 об.

Члены Правления КВЖД.

Сидят: А.В. Колчак (второй слева), генерал Д.Л. Хорват (третий слева). Апрель 1918 г.

щали интересы России в Маньчжурии; они имели военную организацию и были закалены постоянными стычками с китайскими бандитами — хунхузами. В 1913 г. Орлов был произведен в подполковники и стал младшим штаб-офицером 1-го Заамурского пограничного пехотного полка. К этому времени он был уже женат, имел двух сыновей и дочь⁷.

В феврале 1915 г. войска Заамурского округа были переброшены на австро-германский фронт. 1-й Заамурский пограничный пехотный полк вошел в состав 1-й Заамурской пехотной дивизии генерал-лейтенанта М.К. Самойлова; подполковник Орлов командовал в этом полку батальоном. Очень скоро пограничники-замурцы прославились своею доблестью, причем особенно отличиться им довелось во время летнего наступления Юго-Западного фронта 1916 г.: в Доброноуцком сражении 28–31 мая, в бою у Хоцимежа 15 июля и при прорыве австрийского фронта 18 августа под Галичем⁸.

За последний бой Н.В. Орлов был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени, и позднее, 5 мая 1917 г., приказом по Армии и Флоту он был удостоен этой

⁷ См.: Список генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чинам Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи по старшинству в чинах, по родам оружия и по частям. Составлен по 1 мая 1914. Харбин, 1914. С. 33.

⁸ См.: Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 196.

награды «за то, что, состоя в рядах 1-го пограничного Заамурского пехотного полка, в бою 18 августа 1916 г. у д. Кримидув, при атаке укрепленной позиции противника, будучи начальником правого боевого участка полка в составе 10 рот, воодушевляя всех своею храбростью, под сильным и действительным огнем штыковым ударом овладел позицией австро-германцев и с боя взял 10 действующих пулеметов, 3 бомбомета и 1 миномет, причем было захвачено 887 пленных, при 23 офицерах, чем способствовал разгрому противника»⁹. Через пять дней, 23 августа, развивая этот успех, Николай Васильевич, бросившись «во главе своего 2-го батальона в атаку, в урочище Монастырь, был ранен ружейной пулей в грудь навывлет»¹⁰.

Залечив рану и вернувшись в строй, полковник Орлов был в начале 1917 г. назначен командиром вновь сформированного 14-го Заамурского пограничного пехотного полка. Со своим полком он еще успел принять участие в июньском наступлении 1917 г., но общий развал армии свел на нет все подвиги отдельных частей. Осенью 1917 г., разочаровавшись в возможности продолжения войны, Орлов с женой и дочерью отправился по железной дороге через всю Россию к месту своей прежней, довоенной службы — в Харбин. Туда они прибыли уже в ноябре 1917 г., когда власть в городе захватил местный большевистский совет солдатских депутатов во главе с прапорщиком Рютиним. Последний опирался на 559-ю и 618-ю ополченческие дружины, несшие охрану железной дороги и к этому времени поддерживавшие большевиков. Создалось своеобразное двоевластие: рютинский совет вместо генерала Хорвата назначил управляющим дорогой Славина, но Хорват тянул время и под разными предлогами отказывался сдать ему дела. Он рассчитывал на вмешательство китайцев. Действительно, 13 декабря 1917 г. китайцы ввели свои войска в полосу отчуждения дороги, ополченческие дружины были разоружены и их личный состав отправлен в Россию¹¹. Легитимная российская власть на КВЖД (в лице Хорвата) была восстановлена в своих правах, но ее влияние теперь было резко ослаблено за счет усиления позиции местной китайской администрации, а также военных миссий Союзных держав (в первую очередь — Японии).

В Харбине было все еще беспокойно: большевистские настроения были достаточно сильны в механических мастерских и в стоящих на линии полках Заамурской железнодорожной бригады. Чтобы нейтрализовать их, требовалось срочно создать собственные вооруженные силы. Именно с таким проектом в начале декабря 1918 г. в Харбин приехал генерал-лейтенант М.К. Самойлов, бывший начальник 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. Он имел поручение от товарища председателя Правления дороги в Петербурге инженера Вентцеля вместо подлежащего расформированию Заамурского округа ОКПС сформировать в полосе отчуж-

⁹ Кавалеры Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за период с 1914 по 1918 г.: Справочник / Сост. А.В. Кузьмин, Г.Н. Мазяркин, Д.Н. Максимов, В.Л. Юшко. М., 2008. С. 342.

¹⁰ Орлов Н.В. Замурцы в 7-й армии под Галичем в 1916 году // Замурцы: Издание Общества взаимопомощи бывших Замурцев. Харбин, 1939. С. 50.

¹¹ См.: Он же. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 7–9.

дения КВЖД новую Охранную стражу. При этом предполагалось формировать ее из бывших офицеров-заамурцев, а рядовой состав набирать из русских жителей полосы отчуждения. Стража эта должна была быть вольнонаемной, наподобие Охранной стражи, существовавшей в 1898–1901 гг., до образования Заамурского округа ОКПС (на чем особенно настаивали китайцы). Управляющий дорогой генерал Хорват и русский консул в Харбине Г.К. Попов были полностью согласны с этим проектом и после выдворения ополченцев немедленно приступили с конца декабря к его осуществлению.

Одним из ближайших помощников Самойлова в этом деле стал полковник Орлов, на которого было возложено общее руководство по формированию охранных частей Харбинского отдела. Сам Орлов датой создания своего отряда считал 20 декабря 1917 г., когда он всего лишь с пятью офицерами занял Миллеровские казармы в центре Харбина¹². Вскоре эта группа начала разрастаться и превратилась сначала во взвод, а к началу февраля 1918 г. — в полноценную роту в количестве 138 штыков, которая под именем 1-й Особой роты вошла в состав Охранной стражи¹³. Далее начали формироваться 2-я рота, конная сотня ротмистра В.В. Вращила¹⁴, пулеметная команда.

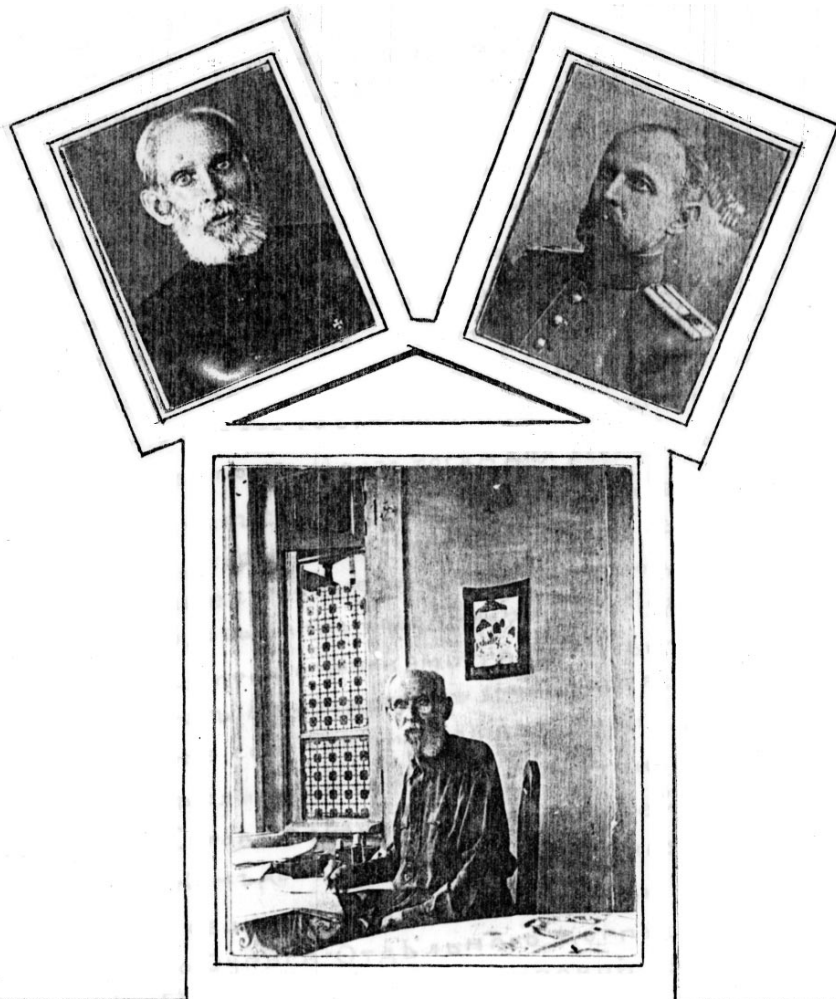
Слева направо в первом ряду: адмирал А.В. Колчак, генерал М.М. Плешков. Харбин. Лето 1918 г.

Фотография предоставлена И.В. Купцовым.
На Колчаке — защитная форма с необычными знаками различия; возможно, это именно тот шефский мундир, который подарили адмиралу орловцы в конце мая 1918 г.

¹² См.: Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 10.

¹³ См.: Приказ по Охранной страже КВЖД № 3 от 30 января 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 4–6.

¹⁴ Существует несколько вариантов написания фамилии этого офицера; общеупотребительным считается «Вращитель», однако Орлов в своих воспоминаниях именует его «Враштил»; последний вариант встречается также и в документах.

Авторъ Н.В.Орловъ : передъ отправленіемъ изъ
Маньчжуріи на театръ войны въ 1915г. и нынѣ въ эмиграціи

Н.В. Орлов в 1915-м и в 1940 г.

Страница из предисловия к рукописи «Заамурцы. 1898–1917 гг.

Исторический очерк в пяти частях». Харбин. 1940 г. Публикуется впервые

ДРЗ. Ф. 1. ВМБ. М-113. Л. 8 (ксерокопия)

Почти одновременно с зарождением Орловского отряда на станции Маньчжурия был создан также Особый Маньчжурский отряд есаула Г.М. Семенова. Впервые он проявил себя 19 декабря 1917 г., когда разоружил 720-ю ополченческую дружину на станциях Маньчжурия и Даурия. Наконец, несколько позднее на вос-

точном конце магистрали, в районе станции Пограничная начал действовать добровольческий отряд из уссурийских казаков под командованием сотника И.П. Калмыкова. Эти три отряда и составляли в начале 1918 г. все белые силы на КВЖД, они действовали независимо друг от друга, причем Семенов и Калмыков совершали регулярные рейды на территорию России (в Забайкалье и Приморье соответственно), в то время как на отряд Орлова легла задача по поддержанию порядка в г. Харбине, с постепенным распространением на всю полосу отчуждения. Что же касается собственно Охранной стражи, то ее формирование началось со штабов и продвигалось чрезвычайно медленно, так что ее силы, по сравнению с отрядом Орлова, были невелики. Наконец, начальник Охранной стражи генерал Самойлов с самого начала настаивал, чтобы Охранная стража занималась исключительно охраной дороги и не участвовала в боевых действиях против красных на территории России, в то время как полковник Орлов, напротив, рассматривал свои Особые роты как кадры для дальнейшего развития борьбы против большевиков. Все это не могло не привести к конфликту. Его мог бы, конечно, разрешить их общий начальник генерал Хорват, но последний, будучи прекрасным политиком и администратором, признанным мастером компромисса, не обладал достаточной волей, чтобы стать настоящим вождем Белого движения на КВЖД. Барон Будберг дал ему следующую характеристику: «Многоликий Хорват, способный только на ловкие компромиссы и на искусную лавировку среди самых разнообразных течений, несомненно умный, умеющий обходиться с людьми и к себе их привлекать, но абсолютно неспособный к решительным активным действиям, не знающий армии, совершенно не подходящий к тому, чтобы идейным, величественным утесом подняться среди общего развала и безлюдья»¹⁵. К сожалению, эта характеристика во многом была оправданной.

В результате в феврале 1918 г. — после того, как 1-я Особая рота вопреки запрету Самойлова (но с негласного одобрения Хорвата) приняла участие в разоружении ненадежных полков железнодорожной бригады на западной ветке КВЖД, а затем и в Шарасунском походе отряда атамана Семенова в Забайкалье, — как сам Орлов, так и сформированные им 1-я и 2-я Особые роты, а также сотня ротмистра Враштила были исключены Самойловым из состава Охранной стражи¹⁶. Им пришлось вначале перейти в подчинение Дальневосточному комитету защиты Родины и Учредительного собрания, а затем 8 марта (ст. ст.)¹⁷ в Харбин прибыл генерал от

¹⁵ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 283–284.

¹⁶ См.: Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 13–15; Приказы по Охранной страже КВЖД № 4 от 3 февраля 1918 г., № 9 и № 10 от 19 февраля 1918 г., № 11 от 22 февраля 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 7, 22–25.

¹⁷ Все официальное делопроизводство на КВЖД в конце 1917 — начале 1918 г. велось по старому стилю. Так продолжалось до 26 апреля, когда Д.Л. Хорват своим приказом по КВЖД за № 111 объявил, что с 1 мая 1918 г. подведомственная ему территория полосы отчуждения переходит на Григорианский календарь (новый стиль). Соответственно, после 30 апреля следующим днем следовало считать сразу 14 мая и, во избежание недоразумений, в течение трех месяцев с момента перехода все документы датировать двойным числом (по старому и новому стилю). С другой стороны, барон Будберг в своем «Дневнике» перешел на новый стиль 17 февраля (2 марта) 1918 г., во время своей поездки в Японию.

кавалерии М.М. Плешков, получивший наименование «Начальника над всеми воинскими частями и отрядами в полосе отчуждения К.В.ж. д.» (позднее — «Главномандующего Российскими войсками в полосе отчуждения К.В.ж. д.»)¹⁸. На деле, однако, его управление вылилось лишь в создание громоздкого штаба (начальник штаба — генерал-майор Б.Р. Хрещатицкий), в подчинении у которого оказался лишь Орловский отряд и вновь создаваемый из китайцев Пластунский полк полковника А.Е. Маковкина. Семенов и Калмыков от подчинения ему уклонились, в свою очередь у Орлова и его отряда после Шарасуньского похода установились крайне неприязненные отношения с атаманом Семеновым. Причиной этому, по свидетельству Орлова, послужила грубая попытка Семенова подчинить себе Орловский отряд¹⁹.

К началу апреля Орловский отряд насчитывал в своих рядах уже около 2000 человек в составе трех Особых рот, конного дивизиона В.В. Враштила, двух артиллерийских батарей, инженерной полуроты и санитарного отряда. Заместителем командира отряда являлся полковник В.В. Ванюков, 1-й ротой командовал полковник Рахильский, 2-й — полковник де Франк, которого затем сменил полковник Гуляев, 3-й — полковник Меньшов; артиллерийскими батареями: 1-й — капитан Ломиковский, 2-й — капитан Карпенко. Формировался отряд исключительно из добровольцев, причем многие офицеры поступали в него на должность рядовых, в нем также было много учащейся молодежи, особенно кадетов Хабаровского кадетского корпуса. Оружие и снаряжение отряд получал со складов Заамурского округа ОКПС, впоследствии часть оружия предоставили японцы.

Таким образом, отряд действительно получился отборный, и если бы его пустили в бой, скорее всего, он стяжал бы заслуженную славу. Но в «гнилой» обстановке Харбина, когда Хорват выжидал улучшения общей конъюнктуры, ориентируясь в основном на представителей иностранных миссий, а старшие начальники враждовали друг с другом из-за личного честолюбия, отряд был обречен на прозябание и становился объектом для городских сплетен. Особенно отличился в их собирании барон Будберг, который в своем дневнике всюду клеймил «разных вольных атаманов» Семенова, Орлова, Калмыкова, сваливая их в одну кучу и именуя не иначе как «своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом, послереволюционные прыщи Дальнего Востока»²⁰. Воспоминания Орлова, при сравнении их с «Дневником», показывают, что многие скандалы действительно имели место, однако Будберг, во-первых, сильно сгущал краски, а во-вторых, валил в одну кучу правого и виноватого²¹.

Для того чтобы начать боевые действия, необходимо было предварительно вернуть части, и действительно, одним из первых приказов генерала Плешкова «Орловская пехота разворачивалась в Егерскую бригаду, в составе 4-х Егерских батальо-

¹⁸ Приказ Главноуправляющего в полосе отчуждения КВЖД № 1 от 8 марта 1918 г.; цит. по: приказ по Охранной страже КВЖД № 25 от 10 марта 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 44.

¹⁹ См.: Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 15–16.

²⁰ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 199.

²¹ На тот момент барон А.П. Будберг поддерживал дружеские отношения с генералом М.К. Самойловым и просто повторял за этим генералом все нелестные высказывания в адрес Н.В. Орлова и Г.М. Семенова.

нов; конница ротмистра Вращи-
ла — в Конно-Егерский полк; ар-
тиллерия — в Отдельный артил-
лерийский дивизион»²². Однако
приток добровольцев к этому
времени уже практически иссяк,
а генерал Хорват так и не решил-
ся объявить мобилизацию в по-
лосе отчуждения КВЖД. В ре-
зультате все приказы о развер-
тывании так и остались на
бумаге. Стало ясно, что и Плеш-
ков, подобно Хорвату, не облада-
ет достаточной волей, чтобы из-
менить ситуацию. И тогда воз-
никло решение пригласить на
КВЖД адмирала А.В. Колчака.
14 (27) апреля 1918 г. в Пекине
состоялось общее собрание акци-
онеров Общества Китайской Во-
сточной железной дороги, на ко-
тором адмирал был избран в чле-
ны Правления общества²³ и
назначен Начальником Российс-
ких войск полосы отчуждения
КВЖД (при этом Плешков стал
помощником Главноуправляю-
щего дорогой по военным делам).
По свидетельству Будберга, Алек-
сандр Васильевич прибыл в Харбин и вступил в должность 10 мая 1918 г. (н. ст.)²⁴.

Однако его сразу же начали преследовать неудачи. Семенов отказался посту-
пить под его командование, и попытка лично объясниться с атаманом окончи-
лась провалом. Объединения сил вновь не произошло, взоры Колчака поневоле
обратились к восточной оконечности магистрали, а единственным отрядом, ко-
торый безоговорочно встал под его командование, оказался отряд полковника
Орлова²⁵. По свидетельству адмирала, он рассчитывал развернуть на КВЖД кор-
пус численностью примерно в 20 тыс. человек, причем 5 тыс. оставить для охра-
ны полосы отчуждения, а 15 тыс. двинуть в наступление на Приморье²⁶. Но здесь
он столкнулся с резким противодействием руководителя японской военной мис-

Обложка рукописи «Заамурцы. 1898–1917 гг.
Исторический очерк в пяти частях».
Харбин. 1940 г. Художник М.Т. Молчанов

²² Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 21 об.

²³ См.: Приказ по КВЖД № 136 от 5 (23) июня 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 15. Л. 126.

²⁴ См.: Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 210.

²⁵ В связи с этим Будберг привел в дневнике новое прозвище, данное орловцам: «колченогие».

²⁶ См.: Допрос Колчака. Л., 1925. С. 117.

сии генерала Накашима. При первом же свидании, согласно Колчаку, Накашима поднял вопрос о компенсациях Японии за поставляемые вооружения. Прямой и резкий Колчак вспылил и решительно отказался обсуждать этот вопрос. В результате Накашима сделал все возможное, чтобы расстроить его планы. В воспоминаниях Орлова можно найти подтверждение этим японским интригам. Большинство офицеров из штаба Плешкова охотно присоединились к этим интригам, буквально с первых же дней командования Колчака здесь заговорили, что адмирал, будучи моряком, ничего не понимает в сухопутном военном деле²⁷.

В конце концов Александра Васильевича удалось выжить с его поста, причем сделано это было буквально за несколько дней до ожидавшегося уже (и согласованного с союзниками) выступления во Владивостоке группы войск Отдельного Чешско-Словацкого корпуса²⁸ под командованием генерала М.К. Дитерихса. 29 или 30 июня²⁹ его вызвали в Токио для окончательного объяснения, в результате которого в Харбин он уже не вернулся. Через неделю генерал Хорват объявил себя Временным правителем России и развернул наступление на Никольск-Уссурийский — навстречу чехам. Непосредственно войска в этом походе возглавил генерал Б.Р. Хрещатицкий, а полковника Орлова также отстранили от дел и постарались выжить вслед за Колчаком. В августе 1918 г. Орловский отряд был распущен, послужив кадром для вновь формирующихся 33-го, 35-го и 36-го Сибирских стрелковых полков.

Полковник Орлов, оставшийся не у дел, проживал в Харбине, но весной 1919 г. он с группой офицеров своего бывшего отряда был вызван уже Верховным правителем адмиралом Колчаком в Омск, где все они получили назначения по собственному желанию. Сам Орлов занял должность командира запасного полка в г. Канске, а после поражения Белого движения в Сибири вернулся в Харбин.

Здесь он вошел в ряды Общества взаимопомощи бывших заамурцев (руководителем которого являлся генерал-лейтенант Н.Г. Володченко) и с конца 1920-х гг. приступил к составлению истории Заамурского округа ОКПС. На эту работу он потратил 10 лет, и к декабрю 1939 г. рукопись объемом 1000 страниц была готова к печати. Орлов назвал ее «Заамурцы. 1898–1917 гг. Исторический очерк в пяти частях». Окончанию его рукописи была посвящена заметка в журнале «Луч Азии» № 6 (70) за 1940 г., в которой писалось: «10 лет труда положены полковником Н.В. Орловым на состав-

²⁷ Будберг пересказал это «мнение» в своем дневнике, датировав запись 22 мая, всего лишь через 11 дней после принятия адмиралом командования; за столь короткий срок «непонимание» адмиралом сухопутной специфики (даже если предположить, что оно имело место) в принципе никак не могло себя проявить (см.: Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 214).

²⁸ Именно и только так («Чешско-Словацким») именуется корпус (как и все входившие в его состав части и те, из которых он был развернут) в русских документах с 1914 по начало 1918 г. Общеупотребительное название «Чехословацкий» является ошибочным; так стали именовать корпус большевики, не обращавшие внимание на преемственность в деловой переписке. С формальной точки зрения «Чехословацким» корпус можно называть лишь с момента провозглашения независимой Чехословацкой республики в ноябре 1918 г.; во внутренних документах корпуса название «Чешско-Словацкий» использовалось летом и осенью 1918 г., вплоть до полного прекращения ведения в нем делопроизводства на русском языке.

²⁹ 30 июня Будберг отметил в своем дневнике, что «Колчак уехал в Японию» (Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 226–227).

Н.В. Орловъ и его трудъ о Заамурцахъ.

Военно-библиографическій очеркъ.

Журналъ „Луч Азии“ 1940 годъ № 70/6 Гор. Харбинъ.

Говоря о необходимости сохранения для будущей возрожденной Россіи воспоминаний о подвигахъ, совершенныхъ старыми русскими полками въ годы Мировой войны, г.г. въ Россіи Инвалиды (№ 140 1939 г.) совершенно правильно пишутъ слѣдующее:

— Можемъ быть самыхъ различныхъ мнѣній о строеніи жизни возрожденной Россіи, однако одно несомненно: армія этой Россіи будетъ искать свои корни въ старой Русской арміи... Когда придетъ освобожденіе, и вновь возродится Российское Христовувиное Воинство, процессы срастанія новаго со старыми национальными основаніями расширятся и пойдутъ быстрымъ темпомъ... Вотъ тогда для этого возрожденія потребуются лѣтописи подвигамъ, совершенныхъ старыми русскими полками въ годы Мировой войны. Съ радостью можно убедиться, что эта лѣтописная работа уже дѣлается. Тѣ, кто ее выполняетъ, большую частью скромные строевые офицеры, урывающие часы досуга отъ тяжелой повседневной работы по добыванію хлѣба насущнаго. Поддержку они имѣютъ лишь въ средѣ своихъ соратниковъ. Широкіе круги эмиграціи ничѣмъ не помогаютъ этой работѣ, они просто ее не замѣчаютъ. А между тѣмъ эта работа всеразстаетъ и къ настоящему времени многие полки уже составили свои лѣтописи... —

Далѣе авторъ приводитъ длинный списокъ напечатанныхъ, печатающихся и готовящихся къ печати въ Европѣ войсковыхъ лѣтописей...

Этотъ списокъ мы можемъ дополнить еще однимъ названіемъ, а именно почти уже готовымъ къ печати обширнѣйшимъ трудомъ полк. Н.В. Орлова — „Заамурцы“.

Войска Заамурскаго Округа Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи были мало извѣстны въ Россіи — говорили о широкій лѣблѣ до Великой войны, хотя именно съ помощью ихъ производилось освоеніе нами огромной Маньчжурской территоріи, и они показали свои прекрасныя боевыя качества уже въ Русско-Японскую войну. Со второго же года Мировой войны пехотные и конные полки, саперная рота и конно-горный батальонъ Заамурцевъ, влившись въ Дѣйствующую Российскую Армію, покрыли себя неуязвимой славой, заслуживъ самые лестные отзывы о себѣ и своей боевой работѣ нашего Верховнаго Командованія.

Мало того, даже въ дневникахъ многихъ германскихъ полковъ мы находимъ рядъ упоминаній о беззаветной храбрости и неустрашимости Заамурскихъ пограничниковъ, которыхъ немцы прозвали „зелеными чертями“.

Надъ своимъ трудомъ полк. Н.В. Орловъ работаетъ уже 10 лѣтъ. Его трудъ охватываетъ весь періодъ существованія Заамурцевъ — съ момента возникновенія Заамурскаго Округа Отд. Корпуса Пограничной Стражи, т. е. съ 1898 года и до 1917 года, когда этотъ Округъ пересталъ существовать.

Страница предисловія к рукописи Н.В. Орлова «Заамурцы. 1898–1917 гг. Исторический очерк в пяти частях». Харбин. 1940 г.

ДРЗ. Ф. 1. ВМБ. М-113. Л. 5, 7, 9 (ксерокопия)

На последнем из представленных листов переписана заметка из журнала «Луч Азии» (1940.

№ 6 (70)) об окончании Н.В. Орловым его труда. В заметке упомянуто, что из-за артрита Николаю Васильевичу приходилось не писать, а «вырисовывать» каждую букву. Чтобы убедиться в этом — достаточно взглянуть на данные листы

ление этой подлинной эпопеи о родных ему Заамурцах. Собраны интереснейшие воспоминания, найдены редчайшие фотографии, имеющие исключительную историческую ценность. Исписана тысяча страниц. И как исписаны! Ветеран Великой Войны, командир одного из Заамурских пехотных полков, награжденный за доблесть свою и мужество орденом Великомученика и Победоносца Георгия, раненый и получивший в годы войны суставный ревматизм, Николай Васильевич Орлов почти не владеет пальцами рук и не пишет, а вырисовывает буквы, то есть, написав тысячестраничный труд, выполнил чисто подвижническую работу»³⁰.

К сожалению, дата смерти Орлова на настоящий момент неизвестна, как неизвестно и то, почему рукопись «Заамурцев» так и не увидела свет. Можно лишь предполагать, что ее опубликованию помешала Вторая мировая война. Сама же рукопись книги в настоящий момент находится в Музее русской культуры в Сан-Франциско³¹.

Кроме этой работы он опубликовал также несколько десятков отдельных статей в журналах «Луч Азии», «Русский инвалид», в ежегодном сборнике «Заамурец» (или «Заамурцы»), издававшемся в Харбине Обществом взаимопомощи бывших заамурцев³².

Рукопись воспоминаний Орлова «Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак» резко отличается от всех остальных его работ, в первую очередь по стилю изложения — страстному и иногда излишне беллетризированному. Возможно, именно потому Николай Васильевич не решился поставить под ней свою подпись и не решился публиковать ее в Харбине. Вместо этого при посредничестве генерала Н.Г. Володченко он переправил ее на сохранение в Заграничный архив в Праге. Сама рукопись была подготовлена к печати (перепечатана на пишущей машинке); она состоит из 11 глав, вступления и эпилога, а также снабжена приложениями, включая и приписку от руки генерала Володченко, помеченную г. Харбином и датированную 8 февраля 1933 г.

В настоящей публикации представлены две главы из этой рукописи (IX и X)³³, которые непосредственно посвящены пребыванию Колчака в Харбине. Они публикуются без купюр, с возможно более полным сохранением особенностей написания, характерных для автора. В частности, оставлено авторское выделение прямой речи одновременно с помощью тире и кавычек, а также многочисленные отточия. При этом числа передаются словами, а наращения сделаны по современным правилам. В заключение публикации воспроизводится копия письма А.В. Колчака к Н.В. Орлову, которое было помещено автором воспоминаний в приложении к рукописи³⁴.

³⁰ Цитируется по предисловию к рукописи Н.В. Орлова «Заамурцы» (ДРЗ. Ф. 1. ВМБ. М-113. Л. 9–10). В фонде «Всероссийской мемуарной библиотеки» Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранятся ксерокопии с титульного листа, предисловия и оглавления этой рукописи.

³¹ Первая из пяти частей этой книги была опубликована: Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник / Ред. О. Бакич. Торонто, 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 7.

³² Это издание меняло свое название: в 1938 г. оно вышло под заглавием «Заамурец», а в 1939 г. — «Заамурцы». Следует также отметить, что большинство статей Н.В. Орлова являлись по существу отрывками из его рукописи «Заамурцы 1898–1917».

³³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 24–30 об.

³⁴ Там же. Л. 34.

Н.В. Орлов

СМУТНЫЕ ДНИ В ХАРБИНЕ И АДМИРАЛ КОЛЧАК
<Фрагмент>

Подготовка текста и комментарии А.А. Петрова

Глава IX

АДМИРАЛ КОЛЧАК В ХАРБИНЕ

Настала весна, а с нею пришел Светлый Праздник ...

Ликующе звенели пасхальные колокола ... Весть Воскресения, весть обновления, торжества вечного и нетленного над земной суетой несли они миру ... И душа, омытая прошлыми страданиями, веруя и надеясь, приобщалась к Светлому Христову Праздненству ...

В отряде его радостно встречали. Радость стала полной, когда в Харбин, по приглашению генерала Хорвата, прибыл адмирал Колчак и встал во главе Российских Войск. Скромность и доступность этого человека сделали его имя еще более популярным в глазах Орловцев. Он даже отказался от почетного караула.

— «Этого мне не нужно», — просто сказал адмирал, — «Прошу только выставить на ночь к моему вагону, где я буду жить, двух часовых: у меня имеется некоторая секретная переписка, и за нее я очень опасаясь».

Но штаб отряда, кроме этой охраны, по собственной инициативе назначил двух офицеров-ординарцев, которые находились при адмирале и были ему очень преданы.

Тот же скромный характер носило и самое вступление адмирала в командование. Он запросто прибыл в Миллеровские казармы, собрал всех Орловцев, вел долгую беседу, знакомился с ними, затем сказал прочувствованное слово. И страстной верой зажглось сердце офицера. Забывая прежние обиды и боль былых страданий, оно рвалось туда, в Россию, на крестный подвиг во имя Ея ... Чуткая душа адмирала живо откликнулась на этот порыв. Любовь к Родине сблизила этого сурового по виду, но прямого, благородного человека с юными энтузиастами. Он охотно принял приглашение на скромную вечеринку, предполагавшуюся на другой день в 3-й роте по случаю ея праздника.

Счастливые Орловцы с особым усердием принялись за украшение своей казармы. Большое внимание было уделено убранству внутреннего помещения, где должно было произойти торжество. Его разукрасили декоративными растениями, и оно превратилось в красивый, уютный уголок.

К девяти часам вечера начали съезжаться приглашенные. Это были главным образом родные и близкие друзья Орловцев с их семьями. У входа их встречали распорядители — молодые, красивые и стройные офицеры, гордые своим торжеством и новенькой формой со значком отряда, прикрепленным к левому рукаву френча. Они приветствовали гостей словами «Добро пожаловать!» и прикалывали

дамам бутоньерки живых цветов. Мрачная казарма, превращенная искусными руками в большой нарядный зал, наполнялась оживленными молодыми лицами, смехом и звуками веселых голосов. Молодые офицеры, франтоватые юнкера, «тонные» гардемарины и совсем еще юные кадеты с полудетскими пухлыми губами, — все беззаботно радовались своему скромному празднику, и, глядя на их милые лица, в эти глаза, сияющие самой чистой и святой влюбленностью в свою «Белую Мечту», как-то не верилось, что многих из них очень скоро ожидает жуткая гибель.

Оживление усилилось, когда появился в сопровождении супруги и молоденькой дочери любимый начальник полковник Орлов, которому тотчас же устроили шумные овации. Поздоровавшись с присутствовавшими, полковник предупредил их, что сейчас прибудет адмирал, и просил встретить дорогого гостя как можно приветливее и радушнее. Несколько минут нервного ожидания — и, наконец, послышался шум подъехавшего автомобиля. Полковник Орлов и хозяин вечера полковник Меньшов поспешили навстречу. Все взоры устремились на дверь, где в сопровождении двух адъютантов появилась стройная сухощавая фигура адмирала Колчака. Музыка грянула встречный марш, и долго-долго гремело несмолкаемое, восторженное и радостное «Ура!». Адмирал раскланивался направо и налево, и только его глаза, сверкавшие из-под строгих, сдвинутых трагическими линиями бровей, выдавали его душевное волнение в эту минуту. Он вошел, — но никто не почувствовал обычных в таких случаях стесненности и неловкости. Наоборот, — он как бы слился с толпой приглашенных и их хозяев, чувствуя в них одну большую любящую и дружную семью, и долгое время потом его адъютанты говорили, что никогда еще не видели своего адмирала таким веселым и оживленным, каким он был в этот вечер. А вечер удался на славу. Гремела музыка, кружились изящные пары ... Красивый плавный вальс сменял бешеный темп мазурки... Офицеры, как истые рыцари, ухаживали за своими дамами, развлекали гостей. За ужином лилось вино, звон бокалов сливался со звоном шпор ... Молодые, срывающиеся от волнения голоса произносили речи и тосты, «за Родину», «за Белую Мечту», за славного вождя и героя адмирала Колчака и любимого командира, которые поведут их в правый и смелый бой «за Русь Святую» ... И снова, и снова, покрывая все, гремело полное воодушевления, веры и гордости победное русское «Ура!». Адмирал с сияющим просветленным лицом, растроганный общим вниманием, чокался со всеми, отвечал на тосты тостами и, крепко пожимая руку полковнику Орлову, говорил:

— «Как хорошо у вас, дорогой Николай Васильевич! Ведь, поймите, это уголок России, это наше светлое будущее!» ...

Как сон, красивый и неповторяемый, прошел этот вечер ... Не многие из тех, кто присутствовал на нем, остались в живых ... В памяти, одно за другим, встают их лица ... Это были рыцари долга и чести, истинные рыцари своей «Белой Мечты» ... Ей отдали они свои души и жизнь до конца ...

И, как скорбная тень, заслоняет их всех одно незабываемое лицо, с трагическим изломом бровей над горящими глазами, со складкой горечи и укора у сурово сжатых губ ... Лицо адмирала Колчака, так подло преданного в руки палачей и так просто и мужественно встретившего свой роковой конец ...

* * *

Но вернемся и продолжим прерванное повествование.

Как известно, первые дни пребывания адмирала Колчака в Харбине были омрачены печальным событием. Оно свалилось неожиданно, как снег на голову. Казалось, что все шло гладко, и никому в мысли не приходило, что может случиться что-либо подобное. Но, видимо, разыгравшаяся революционная месть таилась в глубине, долго тлела и, наконец, вспыхнула искрой при порыве ветра. Надо сказать, что здесь, в Маньчжурии, на восточной линии проживал некто Уманский. Он когда-то учительствовал в Хабаровском кадетском корпусе, но за недостойные поступки был изгнан. И вот, в числе всплывших на поверхность в революционные дни темных стихийных сил страны оказался этот Уманский. Особенно ярко проявил он себя при воцарении большевиков своим предательством. Он следил за кадетами, когда те, спасаясь от большевиков, пробирались в Харбин через Пограничную, и продавал их. Пострадало немало и офицеров, благодаря тому же Уманскому. Молодежь глухо волновалась, затаив жгучее желание отомстить за своих погибших братьев. И нужно же было предателю появиться в эти дни в Харбине. Его подстерегли и убили, а труп выбросили недалеко от городских боен. Подозрение пало на Орловцев. Рабочие механических мастерских заволновались. Как же, — был убит не кто иной как свой же товарищ — большевик. И это было вопиющим делом. Они объявили однодневную забастовку в виде протеста. Встревожился и наш судейский мир. Адмирал Колчак не препятствовал розыску убийц, так как это было сделано помимо его воли. Он пригласил к себе в вагон прокурора Сечкина и в присутствии собравшихся здесь начальствующих лиц заявил о необходимости немедленно приступить к следствию и тем пресечь всякие вздорные слухи. Прокурор вошел в роль «негодующего правосудия» и разразился целой речью. Адмирал хмурился и, видимо, переживал тяжелые минуты. Тогда Начальник отряда, попросив разрешение у адмирала, обратился к прокурору:

— «Мы, начальствующие лица, всегда стояли и будем стоять только за законность и порядок. Подобные самовольные расправы противны нашему духу. Казалось бы, что не могло быть и речи об ином подходе к делу. Но господин прокурор почему-то взял на себя смелость говорить здесь, точно на судебном заседании, о своей совести, которая негодует против такого насильственного акта, как убийство. А негодует ли ваша совесть прокурора, когда там в России большевики убивают не только без суда и следствия, но и без всякой вины наших отцов, матерей, жен, братьев, сестер» ...

Этот вопрос до некоторой степени огорошил прокурора. Но тут засуетился и генерал Хрещатицкий; он торопливо полез в боковой карман мундира и, вытащив оттуда письмо, обратился за разрешением к адмиралу прочесть выдержки. Тот слегка кивнул головой в знак согласия и насторожился. Письмо это было только что получено генералом из Хабаровска от одного офицера, который как раз и сообщал о безвинно расстрелянных офицерах и кадетах, как жертв подлого предательства этого самого Уманского. Прокурор осекся, переменял позицию и уже заговорил по-иному, но адмирал Колчак оборвал его речь и предложил немедленно приступить к делу, как то обязывает прокурорская совесть.

Вполне понятно, что совершившие самовольно расправу с предателем оказали плохую услугу. Лучше было бы, если бы он предстал перед судом, даже военно-полевым. Тогда понесенная им заслуженная кара действительно произвела бы должное впечатление и служила бы назиданием кому следует. Приходилось только скорбеть за адмирала.

Вскоре произошел и другой, еще более неприятный инцидент. Адмирал собрался и поехал к атаману Семенову на станцию Маньчжурию. Его сопровождали полковник Орлов, офицеры-ординарцы, лейтенант флота Пешков и один из членов Д.В. Комитета¹, отставной моряк, старый сотрудник адмирала г. Оленин. От Орловского отряда был назначен конвой. Заведующий передвижением войск послал телеграмму на станцию Маньчжурию на имя подчиненного ему по передвижению офицера, копию — штабу атамана Семенова, о выезде адмирала. Стало быть, атаман был заблаговременно предупрежден. Но каково же было удивление, когда по приходе поезда в Маньчжурию, перрон станции оказался совершенно пустым, — адмирала никто не встретил. Ординарцы пытались узнать на вокзале, в чем дело. Там оказался артиллерийский генерал Никонов, который заявил, что атамана нет в Маньчжурии, что он якобы выехал в какую-то станицу. Генерал был одет по-домашнему, без оружия, и на станцию зашел как бы случайно. Однако он ввалился в вагон-столовую, где сидели адмирал и его офицеры, непринужденно поздоровался с адмиралом и уселся подле него. Но этого было мало, — генерал вынул из портсигара папиросу и собирался было уже ее закурить, да опомнился, — спросил разрешения у адмирала. Офицеры были крайне возмущены таким поведением русского генерала, но молча ждали, что будет дальше. Адмирал сидел сумрачный и также молчал. Молчал и генерал Никонов. Так длилась несколько минут эта немая сцена. Наконец, адмирал поднялся из-за стола и, направляясь к выходу, пригласил генерала Никонова следовать за собой. Они ушли в адмиральский вагон.

Тем временем лейтенант Пешков, по собственной инициативе, произвел разведку и достоверно узнал, что атаман сидит дома и никуда из Маньчжурии не выезжал. Ясно, что со стороны его это была демонстрация. По крайней мере, так думали Орловцы. И имели на то свои основания. Но иначе взглянул на происшедшее лейтенант Пешков. Пламенный патриот, горевший идеей служения Родине, он являлся ярым сторонником объединения всех сил, поднявшихся на борьбу с большевиками. А потому склонен был думать, что просто произошло какое-то недоразумение, которое надлежало во что бы то ни стало выяснить, пока не поздно. Эту мысль он и высказал полковнику Орлову, закончив словами:

— «Пойдемте же к адмиралу, поговорим и убедим, чтобы он поборол себя, и не как адмирал, а как Александр Васильевич Колчак, пошел бы к атаману! Никаких недоговоренностей между ними оставаться не должно». Трогательны были эти душевные, искренние слова молодого лейтенанта, так пламенно ратовавшего во имя святого долга служения Родине. Полковник Орлов согласился идти к адмиралу; был приглашен и г. Оленин. Они втроем направились в салон-вагон.

Адмирал угрюмо ходил взад и вперед по вагону, видимо, душевно страдая. Увидя вошедших, на минуту остановился, взглянул на них, пригласил садиться и

снова зашагал. Те первое время не знали, с чего начать, и робко поглядывали на ходившего адмирала. Наконец, один из них, расхрабрившись, стал, сначала туманно, а потом, все более и более воодушевляясь, ярко излагать мысль лейтенанта Пешкова. Адмирал, продолжая ходить, прислушивался к тому, что ему говорили, и когда пылкий оратор умолк, он остановился, на несколько секунд задумался и потом произнес:

— «Хорошо, я сделаю то, о чем вы меня просите, пойду к атаману, как Александр Васильевич Колчак!» Лейтенант облегченно вздохнул и сейчас же засуетился, раздобыл фонари, так как наступила темнота; вызвал несколько человек из конвоя, и адмирал, в сопровождении маленькой свиты, пешком направился к атаману на квартиру. Накапывал дождь. Оставшиеся из окон вагона наблюдали некоторое время, как при слабом свете фонарей двигалась скромная группа, предводительствуемая человеком с великой душой ... Но вот они скрылись, и поползли минуты томительного ожидания. Прошло около часу времени, показавшегося целой вечностью, адмирал возвратился; но снова угрюмо было его лицо. Видимо, смирение Александра Васильевича Колчака не тронуло атамана. Он остался тем, чем был. Даже не хватило простой воинской вежливости, чтобы проводить адмирала. Так печально закончился адмиральский визит.

Вскоре последовал приказ об отправлении поезда. Забегала станционная администрация. Перрон вдруг наполнился публикой. Были военные, но преобладал женский элемент в шляпках и в косынках сестер милосердия. Эта праздная толпа вызывающе глядела на освещенные окна вагонов. И когда поезд тронулся, шумно загалдела, а несколько дам дошло до такого неприличия, что в виде демонстрации подняло руки и показало вслед уходящему поезду кукиш ...

* * *

Адмирал снова в Харбине. Поставив крест на атамане, он принимается за дела и горит желанием что-то сделать. Штаб Орловского отряда также проявляет деятельность. Формируется батарея, по счету третья, и эскадрон конницы. Но эти благие порывы не встречали отклика у начальства выше*. Продолжала по-прежнему царить рутина. Мобилизации не было. С началом военных действий у атамана Семенова, западный источник пополнения был закрыт, а с востока, хотя и продолжалось пока движение поездов, но приток пополнения с каждым днем все уменьшался и уменьшался**. Проживавшие же в полосе отчуждения люди, заявившие гордо, как помнит читатель, что они автоматически вольются в ряды, как только во главе встанет генерал Хорват, что-то не «вливались» и добровольно в эти ряды не становились. Они зарились на хорошие оклады и не прочь были служить в штабах. Случалось, приходили некоторые лица с предложением своих услуг, но лишь только узнавали, что нужно начать службу с низших должностей, кривили губы и поспешно ретировались. Но о них не тужили. Дело было не в

* Главнокомандующего генерала Плешкова и Главноначальствующего генерала Хорвата. — *Примеч. автора.*

** Здесь, на станции Пограничной, засел Семеновский «младший брат» атаман Калмыков, он равнялся по «старшему». — *Примеч. автора.*

количестве, а в качестве. Был снова поднят вопрос о вербовке китайцев. Полковник Орлов согласился сформировать из них одну только роту, притом не для поля боя, а исключительно для этапно-караульной службы. И, в отличие от «Маковкиных пластунов»², выбирались люди с большим разбором, с солидным поручительством известных китайских фирм. Делом этим ведал особо назначенный опытный штаб-офицер — Заамурец.

Наконец, и ротмистр Враштил начал подавать о себе вести³. Не утешительны были они. Конный отряд отбивался от наседавших на него большевицких войск и отходил назад к Маньчжурии. «Сматывались» также и атаманские войска. Кажется, и английский, и французский атташе разочаровались в атамане. Одни только японцы все еще продолжали покровительствовать, стараясь выдвинуть атамана чуть ли не в вожди всего движения. Это им нужно было. Как известно, адмирала даже посетил генерал Накашима и предъявил какие-то требования в пользу атамана Семенова. По этому поводу последовал бурный разговор, и в результате получилось то, что генерал Накашима встал в оппозицию к адмиралу. Да и у наших русских генералов адмирал Колчак не снискал симпатий. Им не по душе были те овации, которые оказывали адмиралу Орловцы. Они поднесли ему «Орловский мундир» и по этому случаю устроили торжество⁴. С тех пор стало заметно проявляться недоброжелательное отношение. Непонятна была и позиция, занятая генералом Самойловым и его штабом. Приходилось недоумевать, — ведь адмирал стоял за законность и порядок, ратовал об общей пользе, отстаивал и Охранную Стражу от притязаний атамана Семенова, даже выступил на защиту с вооруженной силой, когда Семеновская шайка, во главе с хорунжим Барцевским⁵, сделала налет на Бухэду. Охранная стража бессильна была оказать сопротивление, и та принялась громить цейхгаузы. Тому же подверглись и местные жители. Отбирались у них даже самовары и граммофоны. Тех, кто оказывал сопротивление, пороли. Так, был выпорот старик Барановский на глазах у своих детей. Адмирал приказал назначить взвод от Орловского отряда, и он был экстренно выслан в Бухэду. Барцевский со своей шайкой были арестованы и привезены в Харбин.

Приходилось задумываться, что же будет дальше. На флангах висели атаманы. Правда, на востоке один из них пока еще из себя ничего не представлял, но на западе получилась пробка. Засевший здесь атаман Семенов находился под особым протекторатом. Страдало чисто русское национальное дело. При помощи этой пешки преследовались чуждые интересы. И все это прикрывалось святым именем — спасения России. Хитрым покровителям нетрудно было вскружить и затуманить голову простого казака. Она высоко занеслась, и «атаманские таланты» стали разворачиваться все шире и шире. С пути устранялось все, что мешало. Так, в Харбине к адмиралу Колчаку прибежал некто сотник Жевченко, умоляя спасти от преследований атамана. Семенову понадобилось убрать с дороги этого человека, оказавшего ему когда-то большие услуги, но теперь неугодного, так как он мог быть в курсе всех его грязных дел. Адмирал взял сотника под свою защиту.

В районе Миллеровских казарм все время рыскали Семеновские автомобили: шла разведка, где именно был спрятан бежавший, нельзя ли его как-нибудь выу-

дить, так как выступить открыто силою Семеновцы побаивались. Продолжалось это до тех пор, пока сотник Жевченко не был отправлен за границу.

Вскоре после этого произошел другой показательный случай. Полковника Орлова посетил на квартире подполковник японского Генерального Штаба Куросава. Странной была его миссия. Без всяких околичностей он заявил, что Орловский отряд должен весь идти к атаману Семенову. Подобное заявление взорвало полковника Орлова, но он сдержался и в вежливой форме дал понять, что его прямым начальником является адмирал Колчак, и что решение настоящего вопроса всецело зависит от него. Однако это мало подействовало. Подполковник Куросава упорно стал доказывать и убеждать полковника последовать его доброму совету, не спрашиваясь адмирала. Чуть ли не два битых часа долбил он одно и то же; и, в конце концов, высказал довольно смелое суждение, что адмирал, дескать, морской офицер, и не способен хорошо действовать на суше. Чаша терпения переполнилась, и полковник Орлов в довольно резкой форме указал на нетактичность поведения японского подполковника. На этом разговор был окончен.

Глава X

ОРЛОВСКИЙ ОТРЯД В ПОГРАНИЧНОЙ И ЭХО. ИНТРИГИ. АДМИРАЛ ПОКИДАЕТ СВОЙ ПОСТ

Незавидно было положение адмирала: японцы ополчились на него, да и Начальник штаба генерал Хрещатицкий занял довольно странную позицию. Адмирал был горячий человек, и генерал играл на этой горячности. Вокруг адмиральского имени умышленно создавалось невыгодное освещение. В то же время адмирала настойчиво восстанавливали против главы Орловцев. Так, вместо того, чтобы дружно делать общее дело, сеялись интриги, и в результате последовало выселение Орловского отряда на станцию Пограничную. Адмиралу внушили эту идею, внушили, что подобное переселение диктуется пользой дела. Но в чем была польза — неизвестно. Одно только можно сказать, что с переходом отряда на станцию Пограничную движение поездов с востока совершенно прекратилось, и последний источник пополнения — восточный — был окончательно закрыт. Дальнейшие формирования замерли. Отряд бесцельно проживал на станции в вагонах. Близкое соседство с Калмыковцами было не совсем приятно. На Пограничной царил пьяный разгул, он был заразителен. Приходилось принимать репрессивные меры против нестойких людей, вплоть до исключения их «по суду чести».

Таково было положение на Пограничной. Но, по-видимому, и в Харбине случилось что-то неладное. От адмирала вскоре полковником Орловым была получена телеграмма — «выехать в Харбин с ротой». Был даже назначен по распоряжению свыше экстренный поезд. Это обеспокоило Орловцев. Строились различные догадки: уж не угрожает ли адмиралу опасность. При создавшейся обстановке всего можно было ожидать. Поэтому Орловцы стремглав полетели в Харбин. Весь путь был проделан приблизительно в течение десяти-одиннадцати часов. В те времена пассажирский поезд выходил со станции Пограничной в двенадцать часов

ночи; наш же эшелон отправился в шесть часов утра и нагнал его в Ханьдаохэцзы. Можно судить, с какой бешеной скоростью мы мчались. Недаром машинист, который вел эшелон, прибыв на станцию и сойдя с паровоза, перекрестился с облегчением.

В Харбин прибыли часам к восьми, девяти вечера. Адмирала дома не застали. Он возвратился часа два спустя, и был в хорошем расположении духа. Поздоровавшись с Орловцами, он приветливо сказал:

— «Спасибо, что быстро выполнили мой приказ. Поживите здесь с недельку, так нужно». Более ничего сказано не было. Истинная причина вызова адмиралом Орловской роты так и осталась тайной. Ходили же тогда в Харбине слухи, будто Семенов собирался ликвидировать адмирала Колчака. Но так ли было на самом деле, — утверждать трудно. Однако знаменательно было такое совпадение: спустя полчаса времени после прибытия Орловской роты, примчался и экстренный поезд с запада, который привез атамана. Поезд этот остановился недалеко от Орловского эшелона, и атаман оставался там некоторое время, неизвестно, с какой именно целью. Вооруженные, что называется, до зубов, Орловцы были все время на чеку. И, надо сказать, что если бы Семенов действительно решился на подобное выступление, то ему не поздоровилось бы.

Через некоторое время Орловский отряд был перемещен на Эхо⁶. Здесь находилась небольшая артиллерийская группа подполковника Макаренко. Последний задумал сформировать батарею, но пушек у него не было. Поэтому ему предложено было перейти в Орловский отряд, в 3-ю батарею. Но подполковник Макаренко уклонился и приказания не исполнил. Его артиллерийская группа перекочевала в Харбин. Очевидно, кто-то свыше покровительствовал тайно артиллерийскому подполковнику.

Прибывшим на Эхо Орловцам необходимо было освободить вагоны и переселиться в казармы. Здесь их было много. Большинство пустовало, было заколочено и опечатано. Казарменные принадлежности также хранились под замками и печатями. Но Самойловская Охранная стража не склонна была уступать что-либо Орловцам. По крайней мере, на предложение разрешить вопрос о предоставлении отряду всего необходимого миролюбивым путем, начальник здешней охраны, подполковник из ратников-ополченцев Дзярский не соглашался, и, волею неволей, пришлось ему заявить, что не вина будет Орловцев, если они возьмут это силой. Поведение охранников было безобразно. Выходило так, будто те и другие не служили одному общему делу.

Занятие казарм дало повод злым людишкам инсценировать разгром Орловцами какого-то цейхгауза с хранящимися там и будто исчезнувшими вещами офицеров Заамурского конного полка. Ясно было, что эти людишки воспользовались удобным случаем и хотели прикрыть свои темные дела. Возмущенный до глубины души подобной клеветой, полковник Орлов телеграфировал адмиралу Колчаку, прося его назначить строгое расследование происшедшего. Но, оказалось, в Харбине назрели чрезвычайные события. Адмирал внезапно покинул свой пост и экстренно выехал в Токио. Что послужило причиной этого, для Орловцев осталось тайной. Правда, через несколько дней полковник Орлов получил от ад-

мирала Колчака письмо. Уведомляя о своем отъезде, он просил верить в его неизменное чувство к Орловскому отряду, который считает «единственной чисто-русской организацией на Дальнем Востоке»; но относительно самой причины отъезда сообщал глухо: «Так нужно для общего дела». Адмирал убеждал признать назначенного вместо него начальником Российских войск генерала Хрещатицкого. Конечно, происшедшее всех повергло в недоумение и сильно озадачило.

Между тем события разворачивались одно за другим. Последовало вскоре выступление чехов против большевиков на Дальнем Востоке. Штаб Российских войск зашевелился. Посыпались всевозможные распоряжения. Прибыл на Эхо и гонец от Г.К. Попова с извещением о скором выступлении Российских войск в Приморье, и, в связи с этим, — о наказе генерала Хорвата сдать имевшийся в отряде запас оружейных снарядов и ружейных патронов штабу этих войск. Последним обстоятельством Харбинские верхи были, по-видимому, сильно озабочены. Они чего-то опасались. Консул довольно проблематично сообщал, что требование о сдаче снарядов и патронов якобы исходит от японцев и что они поставили это главным условием пропуска Российских войск в Приморье. Было и смешно, и очень грустно. Полковник Орлов поспешил успокоить штаб и немедленно сдал свой запасный парк прибывшим на Эхо приемщикам генерала Хрещатицкого.

Одновременно с этим последовал приказ о продвижении Российских войск в Пограничную⁷ и дальше. Расписание следования эшелонов было составлено предусмотрительно. Большинство Орловских частей было отправлено в первую голову. Затем проследовал Штаб Российских войск во главе с генералом Плешковым. Штабной Орловский эшелон был продвинут с пластунскими, и, когда прибыл к месту назначения, оказался как бы под конвоем этих доблестных «Маковкиных Российских Войск». Ясно, что главу Орловского отряда всячески старались изолировать. Его части из Пограничной продвигались самим Штабом Российских Войск. Не соблюдалось даже простого приличия, воинской вежливости. Орловский штаб ни во что не посвящался, точно он для генерала Хрещатицкого перестал существовать. И когда прибыл на Пограничную блестящий поезд генерала Хорвата, ни одной Орловской части здесь уже не оказалось. Были одни только пластуны. Таким образом, Орловский штабной эшелон очутился под арестом. Генерала Хорвата торжественно встречали. Фигурировали пластуны в качестве почетного караула, генералитет, штаб, железнодорожная администрация, китайский генерал, его офицеры. Полковник Орлов и его штаб отсутствовали — их не пригласили. Они, в качестве частных зрителей, наблюдали происходящее из окон своего вагона.

Вся эта сцена навела полковника на грустные размышления. Ему все стало ясно. При настоящем курсе политики необходимо было убрать двух неудобных «знатным иностранцам» лиц. В первую голову спланировали главное лицо — адмирала Колчака, под каким-то благовидным предлогом. На очереди был глава Орловского отряда. Но, видимо, открыто не решались это сделать, и придумали такую недостойную игру. Горько и обидно было ... Полковник Орлов не принадлежал к числу демагогов Семеновского типа, бояться его было нечего. Если он и сыскал

некоторый авторитет в отряде, то никогда не позволил бы себе воспользоваться этим во вред святому делу. За разъяснением всего этого полковник Орлов и обратился к генералу Хорвату. Но, как и следовало ожидать, последовал категорический ответ:

— «Если такие люди будут уходить, то с кем же продолжать дело, — нет, это произошло какое-то недоразумение, и его надо выяснить там, на месте!» — И затем, как бы между прочим, генерал обронил: — «А скажите, какие это вы сдали на Эхо патроны и снаряды?» И когда полковник объяснил, выразил сожаление: — «Ах, напрасно вы это сделали!» ... На этом аудиенция окончилась. Генерал со свитой отбыли дальше, за ним пластуны полковника Маковкина. А затем проследовали туда же через Пограничную один за другим эшелоны ротмистра Враштила. Остался только Орловский штабной эшелон да неизменная его охрана — пластунская рота полковника Иконникова.

Зайдя вскоре в вагон-столовую, этот штаб-офицер с надменным видом уселся на стул, обвел всех многозначительным взглядом и громогласно заявил, что назначается комендантом станции. Сидевшие за столом Орловцы с удивлением смотрели на непрошенного гостя и не проронили ни одного слова. А тот, войдя в раж, продолжал:

— «У меня так поставлена охрана станции, что ни одна муха не пролетит незамеченной, — ни в ту, ни в другую сторону!»

Когда мысли погружаются сейчас в далекое прошлое, как-то не верится, что все это могло быть пережито и не нарушилось душевное равновесие, а ведь оно держалось на волоске. Орловцы волновались. К полковнику явилась делегация и с негодованием заявила:

— «Довольно терпеть глумления! Лошади оседланы, и готов конвой! Садитесь, господин полковник, и едем: вас с нетерпением ждут верные Орловцы!»

Конечно, появившись полковник среди своего отряда, пластуны и Штаб Российских войск растаяли бы, как дым, тем более что был самый подходящий момент для такого выступления. Но полковнику Орлову были чужды подобные междоусобные затеи. А потому, отклонив предложение своих ближайших помощников, он послал наказ Орловцам повиноваться Штабу Российских войск, а вместе с тем и донесение генералу Хорвату, что считает свою миссию оконченной, — и отбывает в Харбин.

Таким образом, письмо генерала Хрещатицкого запоздало. Полковник Орлов уже садился в вагон, когда его принесли. Письмо это было написано политично. Ставка делалась «на благородный жертвенный порыв» главы отряда, выражалась полная уверенность, что «во имя долга перед Родиной, он добровольно отойдет от дела».

Показательно было то, что к письму прилагался следующий приказ: «Пехотные части бывшего 1-го Особого отряда сводятся в полк, коему именоваться впредь Егерским полковника Орлова полком» ...

Так закончилась роль главы Орловского отряда, он сошел со сцены, но память о нем осталась незапятнанной.

Приложение:
ПИСЬМО, ПОЛУЧЕННОЕ ПОЛКОВНИКОМ ОРЛОВЫМ
ОТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА ИЗ ТОКИО⁸.

Дорогой Николай Васильевич! В интересах общего нам дела я решил покинуть Харбин и отправиться в Японию. Вместо меня Командующим Российскими Войсками остается генерал Хрещатицкий. И прошу Вас признать пока его власть.

Орловский отряд я считал и считаю единственной истинно-русской организацией на Дальнем Востоке. И чувства мои к Вам остались неизменными, — прошу этому верить и по-прежнему числить меня в рядах отряда. Свою настоящую миссию я признаю необходимой, так как нам нужна материальная помощь иностранцев. И я буду пока работать здесь в этом направлении.

Если встретятся какие-либо затруднения, и я могу быть полезным, обращайтесь ко мне, как к Александру Васильевичу Колчаку, — буду рад всегда помочь Вам.

Итак, будем продолжать наше служение Родине с прежней энергией и верой — надеждой на осуществление нашей заветной Белой Мечты.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш покорный слуга А. Колчак

Токио, 12 июля 1918 г.

¹ Имеется в виду Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания.

² Как уже упоминалось выше, Пластунский полк Маковкина был набран из китайцев.

³ Конный дивизион Вращила вместе с полубатареей в тот момент совместно с войсками атамана Семенова участвовали в боях под г. Нерчинском.

⁴ Это обстоятельство не преминул отметить в «Дневнике» барон Будберг (датировав его 1 июня): «Орловцы дали вечер в честь Колчака и истратили на это 25 тыс. рублей; при этом они поднесли адмиралу попугайско-опереточную форму своего отряда. Благодаря за прием, адмирал перехватил через край и брякнул, что поднесенная ему форма делает его таким же счастливым, каким он был в день получения Георгиевского креста. Через несколько дней к Колчаку явилась депутация из местных Георгиевских кавалеров и выразила ему свое негодование по поводу того, что он позволил поставить на одну доску получение ордена Св. Георгия и поднесение ему орловских штанов» (*Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 217–218*).

⁵ По другим данным, фамилия этого офицера пишется «Борщевский».

⁶ Эхо — станция КВЖД.

⁷ Имеется в виду «на станцию Пограничную».

⁸ Такой заголовок дал письму в приложении к рукописи сам Н.В. Орлов.

Аутентичность текста данного письма вызывает у меня сомнения как из-за его стиля, не свойственного Колчаку (зато вполне соответствующего стилю основного текста рукописи), так и из-за его даты (Колчак отправился в Токио 29 или 30 июня; если же письмо датировано русским стилем, то 13 дней надо не прибавлять, а отнимать). Так что, скорее всего, содержание письма пересказано более или менее близко к оригиналу. Необходимо отметить, что дату отбытия Колчака в Токио называет лишь барон Будберг; свидетель-

ства самого Александра Васильевича на этот счет нет. К сожалению, уточнить эту дату с помощью документов также не удастся. Единственный обнаруженный мною приказ, упоминающий об оставлении Колчаком его должности, датирован 22 июля 1918 г., т. е. выпущен лишь через 24 дня после свершившегося события. Причину такой задержки я пока что понять не могу.

Позволю себе привести этот приказ полностью:

Приказ
Главногоначальствующего в полосе отчуждения
Китайской Восточной железной дороги

№ 38

г. Харбин

Июля 22 дня 1918 г.

В виду отъезда Начальника Российских войск полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги Вице-адмирала Колчака, Охранную стражу Китайской Восточной железной дороги, во изменение приказа Главногоначальствующего с. г. за №№ 1 и 14 подчиняю во всех отношениях себе.

В отношении вопросов, связанных с выполнением самой охраны Китайской Восточной железной дороги и ее имущества, а также в хозяйственном отношении, Охранная стража Китайской Восточной железной дороги подчиняется Управляющему и Правлению означенной дороги на основании существующих положений.

Генерал-от-Кавалерии Плешков

(ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 205–206 об.)